Говорит и показывает Москва, 1977, 18 мая

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ В КОНЦЕРТНОЙ СТУДИИ ОСТАНКИНО

ЧЕТВЕРГ, 26 МАЯ, 1 ПРОГРАММА, 21.30 (цв.); «ВОСТОК» — 19.30

На этой неделе Центральное телевидение познакомит телезрителей с поэзией Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. Выдающийся советский поэт и общественный деятель (Р. Гамзатов — член Президиума Верховного Совета СССР), своими произведениями давно завоевал любовь и признательность миллионов читателей. Сборников его стихов, выходящих большими тиражами, не сыскать на прилавках магазинов. Песни, написанные на его стихи, пользуются огромной популярностью.

В передаче, подготовленной Главной редакцией литературно-драматических программ Центрального телевидения, вы услышите избранные стихи поэта Р. Гамзатова. Поэт ответит на вопросы зрителей. В передаче принимают участие поэты Е. Николаевская, В. Солоухин, Я. Козловский, композитор Ян Френкель и заслуженный артист РСФСР Я. Смоленский.

Наш корреспондент встретился с Р. Гамзатовым и попросил его ответить на несколько вопросов.

— Расул Гамзатович! Мечтали ли вы в детстве стать поэтом?

— Я не мечтал в детстве стать поэтом, потому что был уверен тогда, что я поэт. Только с годами я стал сомневаться. И с каждым годом я сомневаюсь все больше и больше. Иногда я чувствую себя поэтом, а иногда кажется, что нет...

— Мы понимаем, что это шутка. Но скажите, пожалуйста, чем все-таки вызван в вашей работе переход к прозе?

— Во-первых, я не считаю это переходом. Каждый выбирает форму, удобную для того, чтобы выразить свои чувства. Я пришел в этот мир как корреспондент Дагестана, чтобы рассказать о Дагестане, и в Дагестан я приезжаю как корреспондент мира, чтобы рассказать о нем Дагестану. Я должен был такую книгу написать. Стихами такую книгу написать я не мог. Тут нужна была иная форма. Мне хотелось в наиболее читаемом жанре это выразить... И в этой моей книге — «Мой Дагестан» — есть и стихи, и проза, и даже драматургические элементы. Проза, мне кажется, более объективна, чем поэзия. Хотя и проза, как явление литературы, тоже субъективна. Кстати, у меня было два названия этой книги. Первое — «Мой Дагестан», в скобках — «Маленькое окно в большой мир». Так и было напечатано первоначально. А. Твардовский мне сказал: «Одного названия одной папахе хватит...»

Во-вторых, это не значит, что после этой книги я возвращаюсь к стихам. Я продолжаю писать стихи. В стихах можно выразить свои чувства... А «Мой Дагестан» — итог моих раздумий и размышлений. Хотя и эта главная книга еще не написана полностью...

— Что бы вы хотели пожелать молодому поколению советских поэтов?

— Я хотел бы им пожелать того, чего и себе желаю. Чтобы не забывали своих отцов и то, что до них было сделано, чтобы с уважением к этому относились. Но в то же время, чтобы и себя не забывали, ведь они тоже призваны что-то делать. Если мы рождены, мы тоже обязаны что-то совершить в этом мире.

— У вас давняя дружба с Москвой, здесь вы учились. Скажите, с какими чувствами вы приезжаете в Москву, какие мысли она вызывает?

— Когда я приезжаю в Москву, у меня такое чувство, как будто я из дома в дом вхожу.

— То есть Москва для вас — второй дом?

— Не только второй дом. Москва — это приобретенный друг. У человека бывает две любви — наследственная любовь для меня — это Дагестан. Там я родился. А приобретенная любовь, которая мне крылья дала, — это Москва. Здесь я учился. Без Москвы не было бы моей судьбы, и судьбы моего народа, и судьбы нашей планеты. Кроме того, у меня есть личные отношения с Москвой. Здесь я приобрел много хороших друзей, так много друзей, как в Москве, у меня ни в одном городе нет. А я считаю, что тот город хороший, где хорошие друзья, и то селение хорошее, где хорошие гости.

— Чем для вас интересно было предложение Центрального телевидения сделать такой поэтический вечер, что, на ваш взгляд, привлекательно в такого рода передачах?

— Общение с каждым человеком — это большой праздник для поэта. Когда ко мне один человек приходит или когда я должен идти к человеку, я стихи писать бросаю. Общение с этим человеком для меня важнее, чем стихи. А если тебя сразу встречают десять тысяч человек и из них я могу приобрести хотя бы не всех, но хоть сто человек новых друзей — это большой праздник души. Я каждый раз волнуюсь, как будто на первое свидание иду. Когда юноша идет на свидание, он волнуется еще до встречи. Потом волнуется во время встречи и потом, вспоминая об этой встрече, волнуется. Так и я, встречаясь с телезрителями: сначала волнение до встречи, потом во время встречи, потом вспоминая, как это было. И это воспоминание, и это волнение, и это событие остаются в жизни, как документы моей жизни, как удостоверение моей личности. Кроме того, идет масса писем зрителей. Это удивительные люди, одно им нравится, другое нет, они на все внимание обращают, вплоть до того, как ты держался. Перед таким зрителем стоять нелегко, но все же их большое доверие, их доброта помогают как-то выдержать все это, хотя доброта не является отрицанием требовательности. Но в то же время наши люди очень добрые, они даже мое искаженное чтение на аварско-русском языке прощают, но они никогда не простят поэту маленькую ложь, маленькую неискренность.

Мне нравится, что поэт выступает на этом вечере как поэт, его стихи без музыки привлекают сотни и тысячи людей. Люди приходят послушать не голос, а мысли и чувства одного человека, им самим выраженные. Это большое дело, ничего подобного я в мире не встречал. Такое бывает только в нашей стране.

— Над чем вы работаете?

— Пишу стихи, пишу прозу. Недавно вернулся из Мексики, был на острове, где живут одни женщины. Их судьба очень взволновала меня. Сам остров немного больше моего аула, но меньше крупных дагестанских селений. Все мужчины этого острова погибли в море, остались одни женщины. В моей новой поэме будет подробно рассказано об этом острове. Но я имею в виду не только этот остров. Есть такие места, где погибли, например, все шахтеры — одни женщины остались. У нас после войны были селения, где оставались одни женщины. Во имя того, чтобы наша планета не была островом только женщин, я пишу эту поэму.

Конечно, продолжаю писать и другие стихи, а также третью часть прозаической книги «Мой Дагестан».

Беседу вел И. МИСЯВИЧЮС